

**ПЕТР
ВЯЗЕМСКИЙ**

ДЕЛЬВИГ

Петр Андреевич Вяземский

Дельви́г

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=24527764

Аннотация

«Дельвига знавал я мало. Более знал я его по Пушкину, который нежно любил его и уважал. Едва ли не Дельви́г был между приятелями; ближайшая и постояннейшая привязанность его. А посмотреть на них: мало было в них общего, за исключением школьного товарищества и любви к поэзии. Пушкин искренно веровал в глубокое поэтическое чувство Дельвига...»

Петр Вяземский

Дельви́г

Дельвига знавал я мало. Более знал я его по Пушкину, который нежно любил его и уважал. Едва ли не Дельви́г был между приятелями; ближайшая и постояннейшая привязанность его. А посмотреть на них: мало было в них общего, за исключением школьного товарищества и любви к поэзии. Пушкин искренно веровал в глубокое поэтическое чувство Дельвига. Впрочем, не было мне и случая короче сблизиться с ним. Он постоянно жил в Петербурге, я постоянно жил в Москве. Когда приезжал я на время в Петербург, были мы с ним, что называется, в хороших отношениях, встречаясь нередко на приятельских литературских обедах, вечеринках. Но и тут казался он мне мало доступен. Была ли это в нем застенчивость или некоторая нелюдимость, объяснить я себе не мог; но короткого сближения между нами не было. На сходках наших он мало вмешивался в разговор, мало даже вмешивался в нашу веселость. Во всяком случае был он мало разговорчив: речь его никогда не пенилась и не искрилась вместе с шампанским вином, которое у всех нас развязывало язык. Спрашивали одного англичанина: любит ли он танцевать? «Очень люблю, — отвечал он, — но не в обществе и не на бале (*jamais en société*), а дома один или с сестрою». Дельви́г походил на этого англичанина. Однажды убедился

я в том и имел возможность оценить его и понять нежное сочувствие к нему Пушкина. Мы случайно провели с ним с глазу на глаз около трех часов. Мы ездили к общему знакомому нашему обедать на дачу, верст за пятнадцать от Петербурга. Тут разговорился он. Я отыскал в нем человека мыслящего, здраво и самобытно обдумавшего многое в жизни. Я удивился и обрадовался находке моей. Между прочим рассказал он мне план повести, которую собирался писать. План был очень оригинальный и совершенно новый, а именно рассказ о домашней драме, подмеченной с улицы. Лица, имена, происхождение их оставались тайною как для читателей, так и для самого автора; но при этой тайне выказывалась истина и подлинная, живая жизнь со всеми своими переворотами, треволениями, радостями и скорбью. Как мы уже заметили, автор не вводил читателей в дом действующих лиц и сам не входил в него, но все сквозь окна подсмотрел с улицы, и вышел полный рассказ, создалась полная повесть.

Вот как это было. Кто-то, пожалуй, сам автор, нанял себе две-три комнаты в доме на Петербургской стороне. Он был человек озабоченный разными занятиями, часто должен был выходить из дому и домой возвращаться. Куда бы он ни шел, он должен был проходить мимо одноэтажного низенького домика с садиком. Домик не имел ничего замечательного, но как-то обратил на себя внимание соседа. Каждый раз, что он проходил мимо, а это случалось часто, он заглядывал в окна; а как окна были низки, он мог читать в комна-

тах и в том, что в них делается, как в открытой книге. Жилец домика должен был быть и хозяин его, холостой, одинокий. Судя по первым впечатлениям, по усам его, по архалуку, по чапраку, прибитому к стене, и по сабле, на нем повешенной, вообще по ухваткам его, можно было заключить достоверно, что он отставной кавалерийский офицер, может быть, бывший кавказец. Казался он уже не молод, но и не стар: походка бодрая, движения свободные, развязные; лицо светлое, еще довольно свежее и выражающее много простоты и добродушия. Сосед задал себе как будто задачу изучить его. Каждый раз, что проходил мимо, он пристально вглядывался в окошко. Замечает он, что незнакомый хозяин начал как-то опрятнее и щеголеватее одеваться. Спустя несколько дней заметил он большое движение в домике: его обчищают снаружи и внутри, обивают стены новыми светлыми бумажками, изукрашенными яркими гирляндами и какими-то фигурочками, чуть ли не амурчиками с крыльями и со стрелами. Из гостиного двора приносятся коврики, столовые часы, приносятся маленькие клавикорды, различная мебель и между прочим большая, красного дерева двуспальная кровать. Загадка начинает разгадываться. Недели чрез две в домике справляется свадебный пир. Сосед наш еще медленнее, чем прежде, проходит мимо домика, еще с большим любопытством, даже с нескромностью, проникает глазами во внутренность комнат. Никакой добросовестный и хорошо оплаченный шпион не мог бы следить за лицом, на которое

указало ему начальство, как он сторожит, допытывает этот домик и совершенно неизвестных ему жильцов его. Да он и не хочет знать, кто они, а с каким-то темным предугадыванием ожидает удобного случая, чтобы сами события, сама жизнь открыли ему, кто и что они и что будет с ними. Как читатель, пристрастившийся к чтению романа, он не хочет, чтобы автор намекал ему заранее на действия и положение героев; он даже боится, что автор как-нибудь проговорится и слишком скоро укажет на развязку романа. Молодая хозяйка красива, стройна, одета всегда просто, но всегда со вкусом. Выражение лица ее живое, беспечное, веселое. На глаза она годами по крайней мере пятнадцатью моложе мужа; но и муж как будто помолодел, еще выпрямился и вторично расцвел. Медовые месяцы проходят благополучно, во всей сладости, во всем благоухании своем. Супруги неразлучны; они милуются, целуются: муж жену в щеки и в губы, она обыкновенно целует его в лоб – знак нежности и вместе почтительности. Она разливает чай и подносит чашку ему, прихлебнув ее немножко, чтобы знать, довольно ли чай крепок и подслащен сахаром. Она оправляет трубку и подает ему курить. Иногда садится она за клавикорды, играет и поет. Он, облокотясь на стул, слушает со вниманием, кажется умилительным; переворачивает листы нотной тетрадки. Часто по вечерам, поздней осенью и зимою, сидят они пред камином: он в широких креслах, она на стуле, почти не опираясь на спинку его. Она вслух читает ему газеты или книгу. Сосед все это видит.

Он жалеет, что еще не последовал примеру соседа своего и не обзавелся женкою и домком. Между тем смутно ожидает, что будет впереди. Ожидал он недолго, то есть с год, не более. К двум действующим лицам присоединяется третье — молодой офицер, наружности очень красивой. Быт и порядки в доме не изменились; все идет по-прежнему, только часто и все чаще и чаще приемная комната оживляется присутствием нового лица. Гость и муж за чайным столом беседуют и покуривают вместе: один трубку, другой сигару. Гость с каждым разом засиживается долее и позднее, часов до одиннадцати, однажды даже до половины двенадцатого. Муж начинает зевать; жене, по-видимому, спать вовсе не хочется. Так тянулись дни довольно однообразно в течение двух или трех месяцев. Наконец соглядатай наш замечает, что в доме идет как-то неладно. Муж нахмурен, в лице как будто похудел и пожелтел. У жены нередко заплаканные глаза. Офицер все-таки еще является, а иногда и по утрам; хозяйка и он сидят вдвоем; мужа, вероятно, нет дома. Вечером все три налицо, но уже как будто не вместе: хозяйка с гостем в одном углу комнаты; в другом муж сидит за столом и раскладывает *пасьянс*, а может быть, и гадает. Чего тут загадывать? Тут шпиону нашему пришла необходимость выехать из Петербурга. Больно было ему оставить обсерваторию свою; больно было прервать чтение романа, который живо заинтересовал его. Месяцев чрез семь возвращается он на свое жительство. Нечего и говорить, что, только отряхнувшись с дороги, по-

бежал он к своей сторожке. Смотрит: хозяин дома так же и тут же, с знакомою трубкою во рту. Но он в это короткое время постарел десятью годами: осунулось лицо, изнуренное и скорбное. Видно, что большое горе прошло по этому лицу и по этой жизни. Вдруг из дверей доказывается кормилица с грудным ребенком на руках и проходит по комнате. Хозяин, озлобленно взглянув на них, что-то пробормотал сквозь зубы; по выражению, по сморщившимся чертам лица, можно было догадаться, что слова были недобрые; он скорыми шагами вышел из комнаты и сердито хлопнул дверью за собою.

Не помню, как намеревался Дельвиг кончить свою семейную и келейную драму. Кажется, преждевременною смертью молодой женщины.

Разумеется, в этом беглом рассказе, в этом сколке не упоминается о многих подробностях и частных случаях, которые связывали эти сцены, наметанные на живую нитку, и пополняли накинутый рисунок. Не знаю, как вышла бы повесть из-под пера Дельвига; неизвестно, и вышла ли бы она, потому что Дельвиг был, кажется, тут на работу; но в первоначальной смете своей повесть очень естественна и вместе с тем очень занимательна и замысловата. Много тут жизни и движения; под покровом тайны много истины. Все проходит тихомолком, а слышишь голоса живые. Дельвиг рассказал мне свой план ясно, отчетливо и с большим одушевлением. Видно было, что эта повесть крепко в уме его задела. В эту же поездку речь наша как-то коснулась смерти.

Я удивился, с какою ясною и спокойною философию говорил он о ней: казалось, он ее ожидал. В словах его было какое-то предчувствие, чуждое отвращения и страха; напротив, отзывалось чувство не только покорное, но благоприветливое. Для меня по крайней мере этот разговор был лебединая песня Дельвига: я выехал из Петербурга и более не видал его, а он скоро за тем умер.